

подобное «распространение» применительно к субъекту развития приводит к появлению лишних людей, этносов, социальных групп и пр. Причем такое дихотомическое деление относительно конкретного субъекта, позиции этого субъекта в обществе и т. д., так как переходный процесс многофакторный. Поэтому «объективная видимость вещей (хотя бы временно), ... порождает в обществе массу «перевертышей», когда самые необходимые люди кажутся лишними, а действительно лишние — необходимыми»¹.

Следовательно, чем больше свободы, тем больше не нужных никому людей. Это проявляется очень наглядно при реализации либерально-глобалистического сценария развития, осуществляемого сегодня в мире. Описанная Бекаревым А. М. ситуация традиционно для мировой политической терминологии называется проблемами миграции, неравенства, бедности, за этими простыми словами стоит история противостояния двух противоположностей в этносах как субъектах развития: глобального и локального.

Как мы видим, главной особенностью субъекта общественного развития в условиях переходных состояний исторического процесса является свойственная этим процессам двойственность (сочетание «старого» и «нового» в развитии). Характерна также способность к уравниванию бинарных оппозиций за счет усреднения показателей этих оппозиций, и, посредством этого, возможность компенсации и нейтрализации противоположных тенденций в развитии общества в целом. Сегодня основным наиболее результативным и адекватным субъектом развития видится этнос (в любых его формах: народность, нация, и пр.), но только если он способен противопоставить неустойчивости переходных состояний свое ядро (территория, язык, самосознание, этноним), периферию своей системы социальных связей, сочетающих традицию и инновацию, с его правовой системой, которая должна ориентироваться на уравновешенное сочетание этнических и общечеловеческих морально-нравственных, правовых констант.

Поскольку причиной неустойчивости современного этапа развития являются бедность и глобальное неравенство, то культурное и этническое многообразие мира не угрожает устойчивости мирового развития. В современном переходном состоянии исторического развития культурная самобытность формируется и изменяется, со временем меняется и ее влияние. Культура не только наследуется, она также создается и выбирается. В современном мире большинство людей имеет множественную самобытность, что может даже снизить риск конфликта, так как затрудняет фрагментацию общества.

Синченко Георгий Чонгарович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

Закон и память

Мотив взаимополагания ценностного и аналитического измерений права идет из недр национального мировосприятия, на что указывает русская лексема *право*, в чьей семантике заданное и предписанное перекликается со справедливым и оправданным. Такую идею, методологически преемственную еще с рассуждениями Н. К. Михайловского о правде-истине и правде-справедливости, я расслышал в докладе А. Л. Анисина. Не отрицая ее, задумаемся: верно ли, что внутренняя ценностно-аналитическая сопряженность концепта право — это явление специфически русское? Согласно Оксфордскому справочнику по праву — нет: «...В тех языках, в которых существуют разные термины для обозначения частного, конкретного (*lex, loi, gesetz, legge, ley* и т. п.) и общего, абстрактного (*jus, droit, Recht, diritto, dereho* и т. п.) смыслов права, термин право, применяемый в общем, абстрактном смысле, обозначает также идеи правого и справедливого». Причем полностью подняться над диалектикой описательного и валюативного не смог и автор этого наблюдения Д. Уолкер, говорящий и пишущий по-английски, то есть на языке другой группы. На взгляд Уолкера, двойственность семантики *права* «создает новые возможности для смешения понятий»² (т. е. это плохо), а согласно русской

¹ Бекарев А. М. Свобода человека в социальном пространстве. 2-е изд. Н. Новгород: Из-во Нижегородского университета, 2000. С. 65.

² Walker D. M. The Oxford Companion to Law. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press publ., 1980. P. 716.

философии нравственного идеализма тесная связь нравственного и правового концептуальных рядов способствует обращению к первому в поисках критериев для второго (т. е. это хорошо), что отчетливо выразилось в творчестве В. С. Соловьева и его последователя А. С. Яценко¹.

Что мы обнаружим, если применим тот же самый подход к базовой единице лексического фонда англоязычной философии права и юриспруденции — лексеме *law*, которая с разными артиклями используется для обозначения и закона, и права? По словам известного американского теоретика Р. Дворкина, его соотечественник юрист Р. Паунд, выступавший с социологических позиций, объяснял этим склонность английского правоведения думать о праве как совокупности норм. Сам Дворкин высказался сдержаннее: «Это могло оказать влияние на англоязычных позитивистов, поскольку выражение закон (*a law*) несомненно внушает мысль о норме».² Далее *law* через древнеанглийское *lagu* (постановление) и древненорвежское *lag* (слой, мера, нечто заложенное, зафиксированное) восходит к протогерманскому *lagam* (положить). Получается, что на роль русского эквивалента этически нейтрального *law* в значении закона лучше всего подходит *уложение*. Кроме того, что оно, скорее всего, состоит в дальнем родстве с *law*, его аналитическая семантика столь же очевидна, в то время как ценностно-оценочная не лежит на поверхности. Конечно, последняя легко вскрывается, скажем, через переход от *положенного* к *положительному* (положительное решение etc.), а путь к идентификации ценностной «инфраструктуры» *law* сложнее и дольше. Но следует ли из этого, что английский язык объективно подталкивает к аналитическому (позитивистскому) философско-правовому дискурсу?

Не уверен. Вряд ли методологически корректно ограничиваться одной лексемой и одним понятием. Например, под русским предложением *это наше право* может подразумеваться как право (законы) страны, так и право на жизнь (здоровье, образование...). Поэтому ясное понимание нуждается в дополнительных факторах в виде фонетики (родительный падеж единственного числа права и именительный падеж множественного числа прав), терминологии (право в объективном смысле, право в субъективном смысле), контекста. Напротив, в английском путаница исключена уже на уровне лексических единиц *law* и *right*, благодаря чему исключается интерпретация выражений наподобие *human rights* как обозначений объективного права и (или) законодательства. Русский каламбур право противоречит правам по-английски невыразим и немислим. Что же касается ценностной нагруженности *right*, *rights*, то она не менее рельефна, чем у русского «правый». Итак, то, что английский «проигрывает» ценностно артикулированному мышлению в *law* (праве), он, по-моему, в полной мере «отыгрывает» в *rights* (правах).

Пожалуй, верно не столько то, что один язык и национальный образ это ценностно аскетичнее (либо, наоборот, раскрепощеннее) другого, сколько то, что универсальную диалектику познавательной и ценностной установок разные национальные стили мышления и языки разыгрывают уникальным образом. Цитирую Х. Ортегу-и-Гассета: «...Каждый язык — это особое уравнение между тем, что сообщается, и тем, что умалчивается. Каждый народ умалчивает одно, чтобы суметь сказать другое».³

Несколько слов о треугольнике «история — память — право (закон)». Тезис А. Н. Фатенкова о противопоставлении истории и памяти является, на мой взгляд, замечательной чуткой реакцией на особенности нашего времени. На поверхности история как совокупность знаний о прошлом и память как определенный объем информации, почерпнутой из уже состоявшихся (и в этом смысле принадлежащих прошлому) контактов с миром, кажутся неразрываемой связкой. Однако в отборе и осмыслении накапливаемых в памяти данных всегда так или иначе участвуют социокультурные факторы. В эпоху же тотального конструирования реальности, в частности индустрии сознания, интерпретативное начало не просто опосредствует восприятие и понимание, но предопределяет и, более того, подменяет собой истолковываемые явления. Соответственно, исторический нарратив из линейно-повествовательной формы презентации памяти становится одновременно и сторителлингом, то есть способом ее монтажа и заполнения, и вкладываемым в нее содержанием, которое, учитывая специфику данного новообразования, может быть, лучше называть контентом

¹ См.: Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012. С. 177.

² Дворкин Р. О правах всерьез. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 66–67.

³ Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. С. 345.

и когнитивным фастфудом. Нарратив вызрел в инфраструктуре связки «память — история» и подчинил ее себе. В результате память вроде есть, но — фантомная, поскольку история тоже вроде есть, но — сфабрикованная и постоянно перезагружаемая (как в зацитированном буквально до дыр оруэлловском романе-пророчестве «1984»).

В то же время нарратив не суверенная самостоятельная инстанция, а инструмент влияния и власти. Этим вводится в игру фактор правового регулирования. Соблазн превратить нарратив выгодный в нарратив титульный — велик, а грань между законодательным увековечением памяти и героизацией, между запретом на отрицание и давлением на свободу слова и публичный формат критического мышления — тонка. Однозначные формализованные критерии здесь вряд ли возможны. Но есть ориентир, вытекающий из того принципиального положения, что «правовые гарантии, скорее, страхуют от будущего с его превратностями, чем кредитуют некоторое более совершенное грядущее состояние».¹ Думаю, остается актуальным отношение к закону не как способу провести тот или иной нарратив «в дамки», а как средству против искусственной гегемонии тех или иных нарративов. Таков рациональный смысл конституционных норм об идеологическом разнообразии и запрете на государственную идеологию. Кого-то они стесняют, но отдаем ли мы себе отчет, какой ящик Пандоры может открыться, если не будет и их?

Ивашевский Станислав Леонидович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Память о социальном порядке и порядок социальной памяти

Все мы слышали и (или) произносили такую фразу: «Вот раньше был порядок!». Как бы кто не объяснял ее истоки, устойчивость и мировоззренческую значимость, она прежде всего указывает на наличие в памяти общества представлений о прошлом социальном порядке.

Социальный порядок, понимаемый как состояние жизнеспособности общества на основе социальной интеграции, обеспечиваемой наличием объединяющих, общезначимых идеалов, ценностей, норм и институтов, общественных практик их поддержания, является неотъемлемой целью развития любого общества. Стремление к порядку естественно для человека, но нуждается в образе (модели) желаемого, становление которого опирается на опыт человечества, требует обращения к прошлому.

Социальный порядок, как характеристика состояния общества, фиксирует наличие сложившихся механизмов поддержания устойчивых связей между элементами социальной системы, обеспечивающих взаимное признание логики общественных отношений, их естественности для данного сообщества людей, принятие заданного порядка каждым членом общества в качестве значимого вектора своего жизненного пути.

Порядок в обществе формируется на основе становления единой системы ценностных приоритетов, которые, по природе своей, носят побудительный характер, определяя мысли и поступки людей, формируя ожидаемые в обществе образцы поведения и стремление личности им соответствовать. Нормативный характер ценностей особенно ярко проявляется в морали и праве, выступающими в качестве ведущих средств поддержания социального порядка. В них находят закрепление базовые основания сложившегося или строящегося порядка, основополагающие принципы жизни общества на данном этапе его исторической эволюции.

Сложившийся социальный порядок образует смысловую среду своего существования, которая принимает или отторгает при встрече новые для данной общественной системы явления. Смыслы, операционализируясь, создают верифицируемые символы заданного порядка, определяют его реперные точки. Именно они становятся основаниями для оценки обществом всего происходящего, включая само состояние порядка.

Символический ряд системы социального порядка становится главным в его характеристике и передается как опыт человечества посредством различных институтов социализации. Глубинное

¹ Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Филос. альманах. М.: Политиздат, 1990. С. 188.